

Бумаги оформили быстро. Весь этот процесс мало чем отличался от получения современной прописки: Старина Ван задавал вопросы, Фан Цзычэнь отвечал, и не прошло и получаса, как всё было готово.

Юноша бережно спрятал документы и спросил:

— Сколько с меня?

— Двести восемьдесят вэней, — ответил чиновник.

Фан Цзычэнь принялся выуживать монеты, ворча под нос:

— Смотри мне, не вздумай обсчитать!

Услышав это, староста едва не поперхнулся воздухом от такой дерзости. Ван возмущенно вытаращился на парня:

— Ну и речи у тебя! Я что, по-твоему, за копейку удавлюсь? По старой дружбе я взял с тебя только за бумагу и чернила, за работу даже не считал. Другие, чтобы из этих дверей выйти, вдвое больше выкладывают.

Поняв, что ему пошли навстречу, Цзычэнь тут же сменил гнев на милость и панибратски хлопнул того по плечу:

— Старина Ван, я в тебе не ошибся! Таких бескорыстных и добрых людей в наше время днем с огнем не сыщешь. Люблю тебя, честное слово!

Тот только отмахнулся:

— Избавь меня от своих нежностей.

— Я серьезно! — продолжал Фан Цзычэнь. — Праведники после смерти попадают в рай, а грешники — в ад, так что тебе прямая дорога наверх. Обещаю, через сто лет я не забуду сжечь для тебя побольше ритуального золота и серебра, чтобы ты там ни в чем не нуждался.

Староста только промолчал, не зная, как реагировать.

Собеседник тоже на мгновение лишился дара речи.

Ван в шутку замахнулся, готовый дать наглецу пинка:

— А ну пошел вон отсюда!

— Ну, я пошел, — хохотнул юноша.

Чиновник, конечно, не сердился. Он лишь махнул рукой на прощание:

— Будет время — заходи на чай.

— Обязательно!

Цзычэнь ответил из вежливости, но заходить не планировал. Мало того, что это могло быть просто фигурой речи, так еще и дом Старины Вана находился у черта на куличках от «Башни Пьяной Ночи». Тем, кто ездит в экипажах, всё равно, а вот ему, привыкшему полагаться лишь на собственные ноги, — очень даже нет.

К тому же, чай у старика вряд ли заваривали на живой воде, чтобы ради него так натруждать пятки. Чем тратить время на долгую дорогу, не лучше ли вернуться поскорее к Чжао-гэру? Обнять его, нашептать ласковых слов, а когда чувства накроют с головой — украсть поцелуй или хотя бы коснуться щеки. Это ли не слаще любого угощения?

После этой сцены староста проникся к Фан Цзычэню безграничным уважением.

Связи у парня были обширные, а смелость — запредельная. Обычный человек за подобные шуточки в присутственном месте уже давно бы в колодках сидел.

Пару дней назад у Дяди Лю скончался свекор — тот самый старик, что жил в семье Хэ Далэна. Вчера вечером Дядя Лю специально заглянул к ним, чтобы позвать Чжао-гэра на похороны.

Цзычэнь не состоял в родстве с семьей Хэ Далэна, но в деревне свадьбы и похороны считались событиями первостепенной важности. Односельчане, какими бы ни были их личные отношения, всегда приходили помочь.

Утром супруг попросил юношу купить по пути бумажные деньги для подношений. Старосте тоже нужно было в лавку ритуальных услуг, чтобы помочь Хэ Далэну с закупками, так что они отправились вместе.

Стоило им войти, как хозяин лавки тут же подскочил к ним, расхваливая товар. Мастерство

древних умельцев и впрямь поражало: бумажные лошади, паланкины и фигурки служанок были вырезаны так искусно, будто вот-вот оживут.

Фан Цзычэнь поначалу залюбовался тонкой работой, но стоило ему вспомнить, что всё это предназначено для мертвецов, как восторг мигом улетучился. Он купил ритуальные деньги и отошел в сторону, пока торговец, улыбаясь, не завел с ним разговор:

— Молодой господин, вы ведь помните меня?

Юноша кивнул:

— Помню. Вы как-то заходили пообедать в «Башню Пьяной Ночи».

— Хе-хе, — ухмыльнулся тот. — На самом деле я давно за вами наблюдаю.

Цзычэнь опешил.

«Ты — торговец гробами. Какого лешего ты за мной наблюдаешь?»

— У меня есть племянница, ей как раз восемнадцать исполнилось, — доверительно сообщил лавочник. — Красавица, каких поискать, и в работе скорая: и готовит, и шьет, и в поле...

— Стоп-стоп-стоп, — юноша понял, куда клонит собеседник, и поспешил прервать его. — У меня уже есть фулан.

— Да это не беда! Можно ведь и наложницей взять.

«Это тебе не беда, а мне — еще какая!»

Фан Цзычэнь уже хотел было наотрез отказаться, но хозяин лавки лишь снисходительно улыбнулся. По его мнению, гэры были существами грубоватыми, куда им до нежных девиц.

— К тому же, какому мужчине не хочется иметь несколько жен? На одну-то смотреть со временем надоедает, иногда ведь хочется и вкус сменить!

«Что это за кодекс бабника?» — возмутился про себя парень. Будь этот человек в его мире, его бы за такие речи феминистки на куски порвали.

Цзычэнь лишь вздохнул. И кто только заводит себе гаремы? Либо люди знатные, либо сказочно богатые. А он сейчас — простой мирянин, рабочая сила. В этот суровый век, где жизнь человеческая ценится не дороже сорной травы, радоваться надо, что тебя пушечным мясом на

войну не забрали, а тут — наложницы... Сон среди бела дня, не иначе.

К тому же, по-настоящему достойному мужчине достаточно одного единственного спутника.

«Часто меняют шины только у развалюх», — подумал он.

Чжао-гэр был послушным, нежным, заботливым и преданным ему до конца — Третий молодой господин был более чем доволен своим счастьем.

— Мне и одного хватает, — вежливо отказался он. — Больше я просто не прокормлю.

— Ну что за шутки! Вы служите в «Башне Пьяной Ночи», наверняка получаете по несколько лянов в месяц. Неужели в доме не найдется места для еще одной души?

Лавочник не сдавался. Хотя в обществе на купцов смотрели свысока, деньги-то у них водились! Разве это не лучше, чем горбатиться на скудных наделах? Его маленькой лавке было непросто закрепиться в городке. «Башня Пьяной Ночи» — заведение известное, её владелец Ян Мутао дружен с воротилами игорного бизнеса и хозяевами речных перевозок. Управляющий Ян уже в летах, и поговаривали, что хозяин прочит Фан Цзычэня ему в преемники. Если бы юноша взял его племянницу, это обеспечило бы торговцу надежную опору в будущем.

Пользуясь случаем, тот соловьем разливался, убеждая гостя. Цзычэнь, уже не зная, куда деться от навязчивого сводника, предупредил старосту и поспешил скрыться на телеге, дожидаясь его там.

Когда они вернулись в деревню Сяохэ, супруга дома не оказалось — он уже ушел помогать в дом Хэ Далэна. Юноша припрятал бумаги и тоже отправился туда.

Чжао-гэр во дворе вовсю мыл овощи. Вскоре должны были прибыть дальние родственники, чтобы почтить память усопшего, так что нужно было готовить поминальный обед. Толпа людей суежилась вокруг. Стоило Цзычэню показаться у ворот, как он тут же был замечен. Гэр вытер руки и поспешил навстречу:

— Всё оформили?

— Угу, — кивнул Фан Цзычэнь.

Парень в тонкостях древних обрядов не смыслил, так что супруг велел ему держаться поближе к Хэ Си и помогать чем сможет. К полудню прибыл мастер ритуалов. Под грохот барабанов он нараспев читал заклинания, исполнил танец вокруг гроба, а следом началось ритуальное

оплакивание.

Обычно покойника оплакивают родные, но мастер заявил, что чем больше голосов, тем лучше, так что Хэ Си затащил Цзычэня в общий круг. Мужчины опустились на колени слева от гроба, гэры и девушки — справа, лицом друг к другу.

Женщины напротив поначалу о чем-то переговаривались, но стоило мастеру рассыпать пригоршню клейкого риса, как пришло время плача. В тот же миг поднялся невообразимый вой. Они голосили во всю мощь легких, выкрикивая слова, которые сливались в неразборчивый, тягучий речитатив, похожий на оперное пение. Кто-то рыдал с таким надрывом, будто сам собрался в могилу, а некоторые и вовсе бились головой о землю.

Фан Цзычэнь смотрел на это действие, разинув рот от изумления. Такое актерское мастерство вызывало невольное восхищение. Вот только у него самого слеза никак не шла. Покойного старика он в глаза не видел, чувств к нему не питал никаких, и теперь, стоя на коленях перед чужим гробом, мог лишь философски заметить: «Мертвые улетают на желтом журавле, а живым тут еще маяться».

К тому же, в своей прошлой жизни Цзычэнь был любимчиком судьбы, младшим в семье. Если бы он захотел звезду с неба, приемные родители подогнали бы танк, чтобы её достать. На его долю не выпадало великих горестей, так что плакать он попросту не привык. Ситуация становилась неловкой. Все вокруг заливались слезами, и если он останется с сухими глазами, это сочтут за неуважение. О таком повороте он заранее не подумал, перца в кармане не припас, а щипать себя за бедро было бесполезно — у него был слишком высокий болевой порог.

«В общем, полный абзац», — подумал он.

Хэ Си, всхлипывая и утирая лицо, толкнул его локтем:

— Давай, плачь быстрее!

Цзычэнь только и смог, что неопределенно хмыкнуть.

Чжао-гэр, стоявший напротив, видел, как тот растерянно озирается по сторонам. Вдруг глаза юноши хитро блеснули, он закрыл лицо широким рукавом, а когда опустил руку — взгляд его был полон слез. Капельки повисли на ресницах, готовые вот-вот сорваться; вид у него был такой, будто его самого смертельно обидели.

Супруг, у которого и так глаза были на мокром месте, при виде этой картины разрыдался еще горше.

Через десять минут мастер подал знак прекращать и звать носильщиков. По обычаю покойника

следовало держать в доме семь дней, но в такую жару решили не медлить и предать земле как можно скорее.

Чжао-гэр отвел Цзычэня в заднюю часть двора. Увидев, что у того всё еще покраснели глаза и кончик носа, он не на шутку встревожился.

— Ты чего это так расплакался?

Он прекрасно знал нрав своего возлюбленного. Тот был горделив и скорее бы истек кровью, чем пустил слезу, а тут вдруг такая скорбь.

— Как тут не плакать? — пожаловался Фан Цзычэнь вполголоса. — Я себе, черт возьми, чуть все волосы в носу не выдрал!

Нервные окончания глаз и носа управляются одной ветвью тройничного нерва, так что раздражение в одном месте неизбежно вызывает реакцию в другом — вот почему, когда выщипываешь волосы в носу, слезы текут ручьем.

Чжао-гэр только и смог, что лишиться дара речи.

Он не знал, смеяться ему или злиться, и легонько стукнул мужа кулаком. Тот перехватил его запястье. Иногда юноше казалось, что в его супруге просыпается какая-то матушка Жун — то он щиплет, то драться лезет. Слава богу, что силой он не в Ли Яньмэй пошел, а то после такого удара завтра поминальный обед давали бы уже по нему самому.

К полудню собрались гости. Двор у Хэ Далэна был просторным, но когда сыновья выросли и обзавелись семьями, места стало не хватать, так что пришлось пристроить еще две хижины. Теперь во дворе едва умещалось восемь-девять столов. Мебель и посуду собирали по всей деревне, и поскольку народу пришло много, те, кому не хватило места, ждали своей очереди.

Староста у ворот записывал подношения: кто что принес и какой подарок вручил. Эти записи были важны — в будущем, когда в тех семьях случится событие, нужно будет отплатить тем же. Деревенские жили небогато, в основном давали по пятнадцать-двадцать вэней. Были и совсем прижимистые — те приносили лишь охапку овощей со своего огорода.

Чжао-гэр не хотел выделяться, но поскольку жалование у Цзычэня было высоким, малый дар сочли бы за скупость, а слишком щедрый — за хвастовство. Поразмыслив, он поднес тридцать вэней. Золотая середина.

Семья Хэ Далэна заказала в городе полтуши свиньи. К началу трапезы на столах стояло четыре блюда: гвоздем программы была свинина, тушенная с прозрачной лапшой, за ней шел

баклажан с тофу, а остальное — овощи. Рис был из необработанного риса, смешанного с прочими злаками. Фан Цзычэнь оказался за одним столом с семью крепкими мужиками.

Деревенские за едой обычно не церемонились — хватали миски и принимались уплетать за обе щеки. Но сейчас все как-то притихли. Юноша сидел с прямой спиной, весь такой изысканный и благородный, что остальным стало неловко ударить в грязь лицом. Они старались держать марку, пока не выяснилось, что в искусстве поглощения пищи Цзычэнь превосходит их всех вместе взятых. Он уничтожал еду с такой скоростью, будто не ел последние восемьсот лет.

Заметив, что сотрапезники впали в ступор и пялятся на него, он отложил палочки и самым гостеприимным тоном произнес:

— Ну чего вы замерли? Ешьте, не смотрите на меня! Берите что хотите, не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома!

Мужики только и смогли, что переглянуться.

«Ты, кажется, забыл, что и сам пришел сюда на поминальный обед!»

<http://bllate.org/book/15357/1435735>